

МЕМОУАРЫ

С.М. БРАЙОВИЧ

ХРАБРОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ.

Если философия на самом деле стремится к истине, то не является ли лишним вопрос: относятся ли к философии и ее актерам глубоко продуманные многозначительные слова Кьеркегора о том, что «существует время, в котором молчат, и время в котором говорят»? Мысль Кьеркегора представляется несколько усовершенствованным вариантом известного положения из «Книги проповедника»: «Всё имеет своё время, и любая работа под небом своё время: время рождения и время смерти; время посева и время сбора урожая; время убийств и время лечения; время слёз и время смеха; время разрушения и время созидания; время скорби и время веселья; время бросания камней и время собирания камней; время расставания и время объятий; время приобретения и время утраты; время молчания и время речи; время любви и время ненависти; время войны и время мира. Когда перечислил все указанные вариации, проповедник сделал замечание, которое не оставляет места надежде: какая же деловому человеку польза от его усилий» (Книга проповедника, 3, 1-10).

Итак, спросим проповедника: какая польза философии от её усилий, какой опыт она приобретает со временем, которое так часто меняет свои нравы. Боимся опыта, который своими жизненными судьбами предлагают Платон, Джордано Бруно, Спиноза, Вольтер, Дидро, Унамуно, Ясперс, Блох и многие другие мыслители, предлагающие и другую альтернативу, отличную от той, про которую говорил Кьеркегор. На самом деле можем сказать: время, когда свободно говорили и когда человеческое слово имело смысл — не существовало. Лучшие цветы растут в пустыне. Остаётся вопрос, возможно ли человеческую мысль, дух человека, его храбрость, честность и достоинство уничтожить, не являются ли они сами по себе высочайшей ценностью и смыслом жизни?

Описание конкретного времени, когда надо было молчать, когда действительно всё казалось опустошённым, оставил нам один писатель и политик нашего времени — Милован Джилас.

М. Джилас родился 12 июня 1911 г. в Черногории. Окончил Белградский университет. С 1932 по 1954 г. — член компартии. Был членом Политбюро ЦК КПЮ, министром, председателем парламента, вице-президентом Югославии. В 1932-1935 гг., 1956-1961 гг., 1962-1966 гг. — находился в тюремном заключении. Автор двух десятков книг, в том числе «Ленин и отношения между социалистиче-

скими государствами» (1950), «О новых путях к социализму» (1950), «Новый класс» (1957), «Беседы со Сталиным» (1962), «Несовершенное общество» (1962), «Дружба с Тито» (1980), два тома мемуаров, сборников, рассказов. В тюрьме перевёл с английского «Потерянный рай» Д. Мильтона. В работах М. Джиласа даётся социально-политическая характеристика исторических лиц и событий до и во время Второй мировой войны, оценка и анализ общества, которое было построено в СССР и странах Восточной Европы. Анализируется бюрократия, партаппарат, номенклатура, мораль, философские, политические и экономические концепции, теория и политика, освещаются советско-югославские отношения во время Второй мировой войны и в послевоенные годы.

В последние годы в Югославии широко публикуются работы М. Джиласа, многие из которых вышли в своё время на Западе, а некоторые вообще до сих пор не публиковались на сербо-хорватском языке. Идёт реабилитация его воззрений. О Джиласе в свое время И.Б. Тито сказал, что он политически мёртв, а политическая смерть — это страшнейшая из всех смертей. Однако время внесло свои коррективы.

Сегодня весь Белград говорит о новости: югославский диссидент «номер один» Милован Джилас указом президента СРЮ полностью реабилитирован.

Взлёт Милована Джиласа был стремителен. В 25 лет он становится лидером Коммунистической партии Сербии, два года спустя — в верхушке югославского партийного руководства. В 1940 г. на подпольной конференции в Загребе его утверждают членом Политбюро. Рядом с Тито, Карделем олицетворяет коминтерновскую политику во время великих чисток, когда были ликвидированы больше ста руководителей КПЮ, в том числе и секретарь партии Милан Горкич. Возник вопрос: кто его заменит? Тито и Кардель находились в Москве, Джилас — на каторге. Он представлял не террористическое коминтерновское направление, а новое поколение, которое оформилось в основном в Белградском университете в 30-е годы. В период, когда М. Джилас был арестован, точно определялось, как должен арестованный вести себя на следствии: сталкиваясь с такими уликами, как рукописи, листовки, разумно признание, но называть имена является предательством. После 1936 г. партия изменила свою линию (вспоминаю, как звучало это мифическое понятие «линия партии»). Любое признание считалось проявлением слабости и равнялось предательству. Лично себя Джилас не считал ни героем, ни предателем. Джилас не назвал ни одного имени члена партийного руководства в университете.

Роковым для Джиласа был 1953 год. В этом году после смерти Сталина наметилась определённая тенденция в политике СКЮ по отношению к КПСС. Бытует мнение, что именно в результате этих объективных изменений в политике Джилас был отстранён, как выкуп югославского руководства советским руководителям, что он жертва.

На Западе упрекали Джиласа, почему он не остался у власти, не

маневрировал. Это было бы лучше, более эффективно. «Я это не мог благодаря моему менталитету, — пишет он. — В узком кругу, в котором я находился, это невозможно было скрыть».

Милован Джилас в своих книгах, многочисленных интервью никогда ни словом не обмолвился о резне безвинного народа, которой он вместе с Мошем Пияде (как делегаты Тито в Черногории и Герцеговине) руководил в 1941 и 1942 гг. Партия, которой они принадлежали, осудила эти преступления, известные под названием «собачьи кладбища М. Джиласа», «как левый уклон». Народ же хорошо помнил, о каком уклоне там шла речь. Вместе с тем М. Джилас и М. Пияде в период массовых репрессий и концентрационных лагерей (Голый Остров) и других выступали как ярые борцы против инакомыслия и права человека на собственное мышление. В гражданской братоубийственной войне в Югославии (и после войны в 1948-1950 гг.), проходящей через судьбы, души членов одной семьи, села, страны выбор сильно ограничен. Красное или белое поле: в конечном счёте ты здесь или там. Можно переходить с поля на поле, как это делал Григорий Мелехов в «Тихом Доне», но только до поры до времени. Таких чаще всего ждёт трагический исход. Красное и белое — третьего, казалось почти всем, не было дано. Здесь есть своя диалектика. Об этом мы говорили с Джиласом в июле 1941 г. Это была моя первая из трёх встреч с М. Джиласом. Во время каждой из них обсуждались разные вопросы. В этой статье я попытаюсь воспроизвести основной смысл проблем, поднимаемых в дискуссиях с М. Джиласом. Тогда, в 1941 г., он критиковал и угрожал распустить нашу партийную организацию в Косовом — Луне и Мартиничах за утрату бдительности по отношению к потенциальному классовому врагу, которого, по мнению Джиласа и Пияде, надо было уничтожить. Но ведь это наши родственники, говорил ему Спасое Филипович, и их убийство может нанести сильный удар по нашему движению. Я помню, как Велько Джуранович объяснял Джиласу разницу между абстрактной и конкретной смертью, а Джилас не хотел его слушать. Гуманная высокая цель не может быть достигнута безнравственными методами, говорил я Джиласу. Получалось, что кто не принадлежит к кругу титовских сотрапезников и единомышленников, тот принадлежит к миру дьявола. Одним из таких дьяволов был Петр Радович, близкий друг и соратник Петко Милетича¹. Впоследствии я с Петром много раз говорил о борьбе за партийное руководство, которая велась в 1937-1938 гг. Вслед за своими учителями Тито и Сталиным, которым Джилас пел дифирамбы, он пользовался приёмами и методами софистики, заранее принимая за доказанное то, что нужно доказать и строя таким образом свои выводы. Сила доказательства просто подменялась доказательством силы.

Когда Джилас выступил против методов партии, многие руководители (В. Бакарич, Э. Кардель, М. Тодорович, К. Попович), хотя и

¹ Петко Милетич — один из виднейших деятелей КПЮ, претендовавший на пост генерального секретаря КПЮ после ареста Милана Горкича; в нём Тито видел своего главного конкурента.

разделяли его позицию, но выступили против него с резкой критикой. Описывая свои внутренние переживания в то время, когда от него требовали покаяния, он пишет: «Это случилось в ночь с 7 на 8 декабря 1953 года. Заснул по обыкновению около полуночи, я вдруг очнулся как от удара плетью с ясным фатальным пониманием невозможности отказаться от своих взглядов. Я старался отогнать предчувствие необратимости такого решения, невозможности не подчиниться ему и неизбежности жертвовать привычной жизнью, своими надеждами, дорогими людьми. Я знал и то, что победа невозможна, и вспоминая о Троцком, твердил себе: «Лучше судьба Троцкого, чем Сталина, пусть лучше я проиграю и они меня уничтожат, чем предать свои идеалы и совесть». Я видел как остаюсь один, без друзей, оклеветавших и презревших меня, без ошеломлённых всем этим родных, среди так называемых простых людей, которые не понимают, кто перед ними: умалишённый или мудрец. Но эта внутренняя борьба была недолгой — всего несколько минут, пока я полностью не очнулся от сна. Я уже тогда знал — да именно знал, что это моя судьба, от которой нельзя отречься, несмотря на сомнения и грядущие испытания. Я встал, перешёл в кабинет, зажёл свет и коротко в двух-трёх предложениях записал это ощущение необходимости отмежеваться от руководящих деятелей партии: о собственной силе или, может быть, бессилии свернуть с выбранного пути. Дней двадцать спустя, когда Кардель, с которым у нас не было до тех пор никаких разногласий, в одночасье превратился в моего обвинителя, официально сообщив о начале расправы, я уничтожил эту запись, боясь, что она попадёт в руки тайных агентов и будет истолкована как свидетельство того, что я преднамеренно, «сознательно и планомерно» готовился к антипартийной деятельности». Так Джилас стал еретиком. В книге югославского историка В. Дедиера «Великий бунтовщик Милован Джилас» (1991 г.) приводятся слова Ж.П. Сартра: «Джиласа я никогда не встречал, но мне представляется, что он человек постоянно думающий, ищущий новое. Второе его преимущество как еретика состоит в том, что он выступил в то время, когда находился у власти. Он поступил не как Троцкий, который, проиграв сражение со Сталиным, только потом начал рассказывать о демократии. Всё же у Джиласа имеется одна вещь, которую я едва понимаю. Тито позже разрешил ему уехать на Запад. Понимаю, почему Тито это сделал: Брежнев после Чехословакии показал зубы Румынии и Югославии, и Тито хотел несколько усилить свои позиции на Западе.

Джилас же после приезда в Лондон написал статью в «Таймс» и сказал, что СССР является единственным великим империалистическим государством в мире. У меня нет иллюзии по поводу СССР и вторжения в Чехословакию, которое мы в суде Рассела заклемили. Но Джилас забыл, что США именно в это время вели империалистическую войну во Вьетнаме. Как возможно, что он этого не увидел? Потом, приехав в Америку, получил орден Свободы, который до него получили Трумэн за Грецию, Джонсон и Никсон за Вьетнам. Этим он идентифицировал себя с величайшими агрессорами в мире.

Этого я просто не понимаю. К этому добавлю, что великие студенческие движения 1968 г. он порицал в американских газетах, говоря, что основная их слабость — присущая им анархистская и коммунистическая идеология. Дедиер, объясните мне это? Вы знаете Джиласа уже несколько лет», — попросил Сартр.

У Сартра, по словам Дедиера, созревала мысль о необходимости написания «Энциклопедии еретиков и ереси». При этом он считал важным раскрыть проблему подкупа еретиков, проблему вербовки интеллектуалов со стороны власть предержащих: в отдельных странах. Сартр описывал процесс подкупа французских писателей в XIX и XX вв., оживлённо рассказывал, как генерал де Голль приглашал элиту французских интеллектуалов на большие государственные приёмы в Елисейском дворце, где в особом зале им раздавали напитки, а великих банкиров, генералов и других высоких чиновников в другом зале потчевали ужином. Сартр намеревался будущую «Энциклопедию о еретиках» назвать «Поцелуй смерти», англ. Kiss of Death, фр. Le baiser de la mort.

Большой опыт в подавлении и ликвидации оппозиционных движений имеет английский истаблишмент. Это известный метод: если не можешь их уничтожить, то присоединись к ним, if you cannot destroy them, join them. Так, король Ричард II во время восстания крестьян, угрожавших захватить Лондон, поскольку у короля не было военных в тот момент, на лошади ринулся к бунтовщикам, бросил шпагу, раскрыл объятия: «Я ваш, вы мои!»

Бунтовщики начали приветствовать короля, а он велел вынести из подвалов бочки с пивом. Пока они угощались, король привёл своё войско и расстрелял бунтовщиков.

Однако какое отношение это имеет к Джиласу?

Отметим, Тито не раз использовал подобный опыт, в том числе в борьбе против Джиласа. Каждая страна имеет свой опыт в борьбе против еретиков. Было бы весьма интересно изучить опыт великих и мудрых властителей, которые сумели сломить еретиков и бунтовщиков в своих странах. Вопрос: почему одни исторические личности побеждают, а другие гибнут? — не так прост, как это казалось сторонникам географического детерминизма и экономического фатализма.

У Джиласа было много времени понять, почему именно он стал еретиком: каково место ереси в истории народов?

Важно ответить на вопрос: является ли дирижированная демократия вообще демократией, или же это суррогат демократии — власть без народа? В «Общественном договоре» Руссо писал: «В противоположности вновь возвращаемся к единодушию: это бывает, когда у граждан, впадших в рабство, нет больше ни свободы, ни воли. Тогда страх и лезть заменяют подачу голосов выкриками; уже больше не обсуждают; боготворят или проклинают... Тацит замечает, как при Отоне сенаторы, осыпая Витолия проклятиями, старались в то же самое время поднять ужасный шум, чтобы кто-либо, вдруг сделавшись правителем, не мог знать, что собственно сказал каждый из них» (Ж.Ж. Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 230). Уже

Плутарх писал, что страх непосредственно вызывал лезть и хитрые эмоции. Доводы и сильные аргументы уступили место некритическим овациям, однако приход Цезаря положил конец старой традиции, по которой строгость по отношению к великим людям была чертой сильных народов. Римские сенаторы, призванные сдерживать Цезаря, стали соревноваться в проявлениях своей преданности, ибо больше не зависели от воли народа, а лишь от его своеволия. Таким образом, сильный народ согнул шею перед великим человеком, «исторический индивид» превратился в харизматическую личность с мифологическим призванием. Гибель римской империи оставила нам предупреждение: усталость, обусловленная политической борьбой, широко раскрывает дверь узурпации политической власти. Нестабильность политической организации открывает дверь нерациональному разрешению общественных конфликтов. Приведём следующий пример из истории Византии. Почти половина Византийских правителей сошла с престола не в результате естественной смерти. Только несколько погибли на поле боя. Многие властители были самым зверским образом убиты или кастрированы, а другие же изгнаны в монастыри. Смена властвующих элит в большинстве случаев явилась результатом удачно проведённых путчей, причём ни одна из групп победителей не имеет качественно отличной программы от предшествующей группы. Нестабильность системы не является источником прогресса, как считают некоторые социологи, поскольку не способствует расширению политического опыта и культуры, вследствие крайне монополизированной структуры власти, объединяющей в себе существенные компоненты социального могущества.

Благодаря концепции экономического, политического и культурного потенциала, современное общество проводит политику согласования частного и общественного интереса, индивидуальных и общественных потребностей. Однако индивид во всех сферах своего существования попал под влияние дирижированного общественного мнения и управления. Подлинная оппозиция исчезает, хотя имеется оппозиционное мнение, есть достаточно дискуссий и споров, но всё это имманентно присуще системе. Против существующего как целого нет действительно эффективной оппозиции. Радикальные авангардистские политические культурные движения абсорбируются, включаются в существующую систему, служат ей. Результатом этого развития, вопреки динамике, является статичное общество, которое, правда, постоянно меняется с ростом производительности, но без какой-либо тенденции к качественным изменениям.

Представляется не совсем корректным отождествление сталинизма с манипулированным обществом позднего капитализма: дело в том, что в позднем капитализме субъект представляет себя свободным там, где его поведение регламентировано. При сталинизме субъекты-подданные делают вид, играют в идентификацию, поощряются социальным мифом и угрозой прямого террора. Субъект знает, что властвующая идеология — ложь, и только симулирует, участвуя в идеологическом ритуале. Становится понятным, почему идеологи нового порядка заменили идею движения идеями строя или порядка, в

котором заранее зафиксирован список разрешённых и неразрешённых точек зрения. Альтернатива: социализм или варварство — может быть сформулирована как альтернатива, которая звучит жутко: несвобода или варварство. В анекдоте: «Имеется ли что-либо хуже социализма?» — отвечают: «то, что приходит после него». В этом контексте и социалистическое игнорирование буржуазной видимости свободы и либералистическое реактуализирование альтернативы: социализм или свобода и их общая основа — отбрасывание утопии от имени реальности — превращается в выражение нигилистической воли к самонаблюдению. В первом издании «Христианской институции» Кальвин утверждал: «преступление — убивать еретиков, уничтожать их огнём и железом — это опровергает всякое начало гуманности». После, когда пришёл к власти хитрый тиран, это утверждение просто выбросил из следующего издания «Христианской институции».

Судьба государства зависит от лиц, которые им руководят. То, что можно сказать об отдельной семье, относится также к государству, как бы велико и могущественно оно ни было. Идеология бюрократизма не восстанавливает доктрину «восточного греха», или же доктрину Лоренца, что человек является агрессивным и деспотичным животным, однако приводит нас к мысли о необходимости более решительного поиска источников воли к власти и подчиненности людей.

Каждая развитая идеология, кроме видения желаемого идеала, имеет «образ врага». В условиях концентрации политической власти миф о непогрешимости вождя сопровождается навешиванием ярлыков. Ярлык типа «враг народа», например, весьма напоминает средневековое религиозное понятие зла, дьявола. В легенде о Великом инквизиторе в романе «Братья Карамазовы» Достоевский раскрыл суть уловки сатаны. После того как Христос отказался прибегнуть к обману и обратить камни в хлебы, инквизитор убеждает, что свобода и хлеб земной немислимы вместе, ибо человек не способен вынести «невыносимое бремя свободы». Поэтому и необходимо обманывать людей ради их же собственного блага: «Мы их обманем опять /именем твоим/, ибо тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом и будут заключаться наши страдания, ибо мы должны будем лгать». Люди, по мнению Инквизитора, «малосильны и порочны, ничтожны и бунтовщики», и поэтому нельзя о них думать слишком высоко. Несмотря на кажущуюся неопровержимость своих рассуждений, Инквизитор тем не менее вынужден был признать правоту Христа: «В этом ты был прав. Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего жить, человек не может согласиться жить и скорее истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы». Воплощением самоуничтожения, «смерти и разрушения» выступает Великий Инквизитор. Именно он использует ложь и обман для того, чтобы вести уже сознательно к смерти и разрушению, и притом обманывать их всю дорогу, чтобы люди не заметили, куда их ведут, для того чтобы хотя бы в дороге жалкие эти слепцы счита-

ли себя счастливыми. В романе «Идиот» Достоевский вслед за Гоголем предупреждал об опасности неверия в существование нечистого духа. Этот нечистый дух соблазняет человека, отравляет его разум сомнениями в реальности души, Бога, любви, заставляя мыслить по принципу наоборот: вместо души — условные рефлексy, вместо любви — секс, вместо целомудрия — разврат. Скромность объявляется неполноценностью, наглость — проявлением жизненной силы, материальная бедность — позором, а духовная скудость — благом.

Дьявол, который играет роль пустоты (ничто), выступает не только как вражеская сила и принцип лжи, но и как союзник богов против грешников, своего рода карательным органом при Боге, как князь мира сего.

Утрата религиозного понимания жизни привела к тому, что современный человек так легко и так охотно продает свою душу дьяволу. План сатаны заключается в том, чтобы с помощью тысячи искусных доводов и угроз, причем главным из них является страх и лукавство, разлучить людей с их Я, с их совестью. И на земле нет более грозного, чем он, лица. Природа сатаны двойственна, и его принцип есть причина, вскрывающая зло и радующаяся открытию зла.

Одним из видов противопоставления человека сатане является философия стоицизма, стремившаяся обосновать внутреннюю независимость и непоколебимость. Еще в мифологических образах, до возникновения философии, началась борьба против сатаны. Не в силе Бог, а в правде! Жить по совести, по справедливости, для души, веровать, что не хлебом единым жив человек. С этими идеями народное сознание продолжает связывать представление о совершенных формах бытия, как о граде Китеже, царстве света и добра, свободном от земной скверны и греховности. В образе Одиссея воплотился идеал человека, оказавшегося между Сциллой и Харибдой, преодолевающего своей храбростью, опытностью, хитростью и умом одну трудность за другой. Одиссей отказался на острове от прекрасной Калипсо, стремившейся сделать его своим супругом и обещавшей за это ему вечную молодость и бессмертие. Его пытались превратить в животное циклопы, он отказался стать сверхчеловеком, предпочтя остаться человеком. Может возникнуть вопрос, насколько реальна осуществимость идеала свободы и равенства. Идеалы подобны звездам, они недостижимы, но по ним моряки определяют свой путь. И Заратустра, и Мани были дуалистами, считавшими материальный мир продуктом сатаны, и лишь духовную жизнь подлинной. В отличие от мистиков, утверждавших неистребимость зла, поскольку добро и зло представляют собой не этико-социальные, а космические силы, философы Просвещения приближают бесконечного бога к природе. «Природа либо есть сам Бог, либо божественная сила, открытая в самих вещах», — учит Дж. Бруно.

Ересь пришла из Армении и Ирана и обосновалась на Балканах, чтобы в Боснии найти свой последний приют, превращая ее территорию в одно огромное кладбище. Разве Босния не представляет собой огромное историческое кладбище? Всюду кладбища богомилов, пав-

ликанцев, но идеи, за которые они погибли, живут у нас поначалу вопреки всевластию церкви, сегодня — вопреки государству, партии и ее организации.

Миграция ересей была одним из видов, причем чрезвычайно важным, идеологического взаимодействия Запада и Востока. Гете, можно сказать, на протяжении всей своей жизни испытывал острый интерес к еретическим течениям в христианстве и других конфессиях. Образ еретика Фауста стал своего рода спутником поэта. Изучая мусульманскую культуру, Гете с особым вниманием отнесся к проявлениям еретических настроений в философии и литературе суфизма.

Если согласиться с тем, что многообразно протекающий культурный синтез Запада и Востока есть необходимая компонента и необходимое условие преемственности духовного развития и вспомнить, что эпоха Данте — есть рубеж XIII - XIV вв., период, когда Европа находилась под мощным культурным воздействием арабо-мусульманского Востока, то его можно рассматривать как выражение объективной тенденции в духовной эволюции человечества, суть которой в постепенном сближении ее полюсов.

Вспомним внимание, проявленное Пушкиным к дуалистическим религиозным догматам, к одной из восточных еретических сект, с представителями которых поэт столкнулся во время пребывания на Кавказе в 1829 г. К изданию «Путешествия в Арзрум» он приложил статью французского миссионера о язидах, где их религия характеризовалась как смешение манихейства, магометанства и верований древних персов (Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 8. Ч. 1. С. 468; Ч. 2. С. 1070).

Уже Кьеркегор знал, что высказывание: «Верую в Христа, потому что мудр, справедлив», на самом деле надо обернуть, верно как раз противоположное, ибо вера в Христа основана на вере в мудрость и доброту. Поскольку человек не знает об истине, которая освобождала бы от зла, ему полезно оказаться обманутым. Мы знаем, что это так, но не можем верить. Доверяйся идеологическому ритуалу, поступай так, как будто веришь, и вера придет. Это относится не только к католицизму, но и к любому идеологическому процессу.

Закон есть закон, потому что он закон, а не потому, что он добр. Под нажимом инквизиции инакомыслие стало по закону наиболее серьезным преступлением в средневековой Европе. Для обвинения в ереси требовалось меньше улик, чем при любом другом преступлении. Малейшего подозрения было достаточно, чтобы обвинить человека в преступлении. Местная иерархия, светская власть и особые папские чиновники инквизиции создали целую систему доносчиков, и донос о ближнем стал гражданским долгом каждого человека. Человеческим связям не было дозволено превалировать над верностью истине.

В Боснии и Герцеговине за 30 лет австро-венгерской оккупации католическая церковь превратилась в ведущую политическую силу. Если в 1878 г., т.е. в первый год оккупации, в Боснии и Герцеговине было только несколько католических костелов, то уже в 1908 г. их

было 179. К тому времени было основано 23 мужских и женских монастыря, 72 католические нач. школы, три духовные семинарии, 18 колледжей и средних школ, 1 лицей иезуитов.

Уже отмечено, что между методами инквизиции и сталинистскими методами имеется много сходного. Так, например, когда на партийном собрании обсуждали члена партии, никогда ему не говорили, за что его обвиняют, смотрели в глаза и молчали. А после нескольких минут председатель комиссии спрашивал: «Что ты скажешь своей партии, почему это сделал?» Один из историков инквизиции Ч.Г. Ли заметил, что инквизиторы наказывали еретиков не за их смертные грехи, а во имя спасения их душ, и требовали непременно публичного раскаяния. Точно такую же цель преследовали сталинские процессы.

Уже фараоны древних цивилизаций пришли к выводу, что нельзя управлять только с помощью грубой силы — армии, полиции, но что нужно проникнуть в души людей и убедить их в бесполезности любого протеста против фараонов. Поэтому значительную часть своих бюджетов фараоны использовали на жрецов, пророков, астрологов и особых чиновников, задача которых состояла в том, чтобы убедить народ, что фараон — это бог на земле, и что воля божья вечна, и эта идентификация фараона, бога и государства успешно осуществлялась.

Этот метод давно отметил Л.Н.Толстой, добавляя, что он оставил глубокий след в душах современников, и что в современных условиях вещи и отношения в этом смысле не много изменились. Они существуют в современных демократиях парламентского типа, а также и в других странах мира. Всегда находится группа людей, готовых продать и родного отца во имя власти и по указанию сверху угнетать людей вокруг себя: то ли из страха, чтобы очередь не дошла до них, то ли думают получить лучший заработок и т.п.

Существует и другая группа мудрых людей, которые критически относятся к существующему положению вещей, однако предпочитают молчать и открыто не высказываться. Часто они думают одно, а говорят другое, используя метод мимикрии.

Третья категория в этой схеме — это еретики, которые не отказываются от своих убеждений и готовы пойти на жертвы. Таких людей в истории не так много, но каждый из них оставляет след в жизни после себя, показывая пример будущим поколениям. Черногорский поэт П.Петрович-Негош это выразил словами:

Надо служить чести и имени.
Пусть будет борьба непрерывна.
Пусть сбудется то, что быть не может.
Пусть ад поглотит, покосит сатана,
На кладбищах вырастут цветы
Для будущих поколений!

Ж.П.Сартр готовил в 1969 г. , когда ему было 70 лет, труд о всех великих революциях в его жизни, начиная с 1905 года. Он считал важнейшим мятежом восстание черногорцев против фашизма 13

июля в период Второй мировой войны. Проводя параллель между югославским и французским движением Сопротивления, следует указать: французское движение было движением против оккупантов, но революционным движением оно не было. В Югославии это движение было прежде всего революционным. Да и оккупация была различной, так как большие страдания пришлось на славянские страны (Польша, Сербия, Белоруссия) по сравнению с Францией и другими странами Западной Европы.

Французская буржуазия ненавидела Сартра, особенно после его выступления против колониальной войны в Алжире. Больше всего буржуа ценят деньги, а Сартр свои деньги сотнями тысяч франков раздавал прямо на улицах Парижа художникам и поэтам, которые нуждались. Путешествуя по Черногории, Сартр рассматривал многие знаменитые поля военных сражений, удивляясь, почему ни одна история Второй мировой войны не пишет об этом.

В свое время южнославянский ученый и мыслитель Юрий Крижанич советовал:

1. Свои недостатки прятать, а достоинства показывать.
2. В политике использовать все средства.
3. Прожорливость, роскошь и гордыня - три зла, из которых вытекают все остальные.

Крижанич делит все грехи на: а) обычные, б) особые. Обычные грехи имеет каждый человек, эти грехи быстро осознаются, человек, осознавая их, идет на покаяние. Особые грехи, такие, как ересь, не осознаются. Бог наказывает все ереси, но особенно за неосознанные грехи, за них Бог посылает чуму, войну, разрушение государства. Так, за неосознанные грехи греки потеряли свое царство. За их великую дерзость и ересь Бог послал им турок и уничтожил их царство. Они никогда не достигнут освобождения, пока не вернуться в крыло подлинной и истинной веры. Правда, и поляки имеют грехи, но эти грехи осознанные и, следовательно, их можно простить.

Крижанич особо развил мысль о неосознанном грехе в своей работе «*De providentia Dei*», которую посвятил царю Алексею. Чья власть, того и религия, *Cujus regio, eius religio*. Эта средневековая идеология, равно как и учение о неосознанном грехе, впоследствии была воспринята в Коминтерне. Каждый ее приверженец должен был написать на себя донос: кто он такой и какие у него грехи в личной жизни. В отдел кадров Коминтерна писали характеристики Тито и Кардель. Высочайшим грехом считалась схизма, т.е. отношение к фракциям, вполне в соответствии с католическими догматами о непогрешимости вождя (папы) и греховности всех остальных, особенно интеллигентов и функционеров, т.е. критически мыслящих людей. Ибо простому народу все равно, какой церкви принадлежать, к демократам или к консерваторам, сказали бы сегодня.

Эурегена (810-877) утверждал, что разум представляет собой нечто более важное, нежели авторитет. Его произведения дважды горели на костре, потому что он последовательно отстаивал идею, право каждого человека на собственное мнение даже тогда, когда оно не согласуется с тем, что когда-то сказано и кодифицировано высокой

властью. Подобно ему думал Абельяр (1042-1079), произведение которого имеет характерное для ортодоксов всех времен соблазнительное название: «Да и Нет».

Гегель говорит об Абельяре, что он вместе с Ансельмом способствовал введению философии в теологию таким образом, что в качестве методологического принципа предложил свободный обмен аргументами «за» и «против». Такая дискуссия, по мнению Абельяра, могла вестись по всем проблемам веры. Когда мы говорим о современном опыте и вспоминаем Абельяра, ошеломляет такой факт: на церковном соборе Абельяр получил поддержку епископа из Шартра. Это была поддержка свободному мышлению и предупреждение суду, который унижает человека, а на самом деле вредит судьям и возвышает приговоренного.

Джилас вспоминает, анализирует, сопоставляет... Моряки Кронштадта, самого сильного опорного пункта большевиков, восстали, требуя обещанную свободу, власть Советам. Восстание было подавлено в крови.

Уже в июне 1918 г. меньшевики и правые эсеры были вне закона из-за сотрудничества некоторых их сторонников с белогвардейцами. После убийства Урицкого, Володарского и покушения на Ленина, ряда восстаний начался жестокий массовый террор. Затем последовала борьба с «рабочей оппозицией» в самой партии. На X съезде партии в 1921 г. было принято решение о запрете оппозиционных групп в партии, была основана Контрольная комиссия, которой вменялось в обязанность проводить периодические чистки. На съезде, первом в отсутствие Ленина, отвечая одному критику (Лютовину, который вскоре покончил жизнь самоубийством), настаивавшему на свободе дискуссии в партии, Сталин впервые сказал знаменитую фразу, которую и в наши дни в соответствующих обстоятельствах повторяют сталинисты и которую много раз повторял Тито в борьбе против критически мыслящих людей: «Партия — это не дискуссионный клуб».

На XIII съезде партии Троцкий, уже брошенный на колени под безжалостными ударами Сталина, Зиновьева и Каменева, сказал другую, не менее знаменитую фразу, без которой сталинизм был бы невозможен: «Человек не может быть в праве против партии. Может быть в праве только через партию, ибо история до сих пор не создала никакого другого пути для реализации истины и права. Была права или нет в некотором отдельном случае — это моя партия».

Октябрь 1926 г. принес первую публичную самокритику ряда партийных лидеров: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Сокольникова и др. Год спустя, Бухарин со слезами просил у Политбюро прощения из-за одного разговора с Каменевым. В конце 1929 г. все противники были устранены. Троцкий был выслан из страны, другие сброшены с ведущих позиций. Диктатура пролетариата превратилась в диктатуру партии, последняя — в диктатуру вождя.

Читая судебные процессы по так называемым политическим процессам 30-х годов в Москве и Югославии, больше всего удивляешься самоговорам, признаниям подсудимых. От них в ответ на вопросы

государственного обвинителя только и слышно: «Да, подтверждаю», «Правильно». Странно, когда последнее слово подсудимого напоминает обвинительный акт против самого себя. Некоторые обвиняемые выдерживали режим допросов месяцами и годами, отказываясь от «показаний» и «признаний». Я сам (автор С.Б.) выдержал все это, был приговорен к 18 годам каторги¹, отбывал наказание в четырех концлагерях. Но не будем сегодня строго судить тех кто не выдержал следствие, проведенное недозволенными, садистскими методами. А ведь было еще и испытание страхом за свою семью и близких, за свою честь и имя. Тюрьма и ссылка и даже смерть — не самое худшее наказание. Страшнее, что на человека и его семью поставлено клеймо «враг народа». Он не апеллирует к закону, ибо знает — закона нет, а есть только власть беззакония. Чингисхан перебил много людей, говоря: «Смерть побежденных нужна для спокойствия победителей».

Некоторые считают, что Сталин и вслед за ним Тито совершили коварное и гнусное насилие над историей. Другие предлагают, на наш взгляд, более приемлемый вариант. Сталин и Тито не нарушили, но исполнили, довели до абсурда естественный ход событий, не будучи способными ни подняться, ни повернуть их течения.

Почему история повторяется? Несомненно здесь суть проблемы. Ответ нужно искать в характеристике самих лидеров, в обожествлении организации, в явлениях, связанных с язычеством, в архаистических структурах сознания. Избитая и неопровержимая истина гласит: «Человек — это смесь ангельского и сатанинского начала». человек при этом не знает, когда в нем преобладает первое или второе из этих свойств. Человек больше всего наслаждается, когда побеждает, то ли от имени наследованных, то ли теоретических ценностей, т.е. от имени своей двойственной, неуловимой, многосторонней природы. Это больше всего проявляется в политике.

Я вспоминаю вторую встречу с Джиласом. Мы были на банкете, приеме, который организовал маршал Тито делегатам IV съезда молодежи в бывшем королевском дворце. Вокруг Джиласа была группа высоких руководителей, а он вел себя непринужденно, и никто со стороны не мог бы предположить, что он член Политбюро и главный идеолог КПЮ. О дворце. Это был роскошный дворец, еще до окончания войны и без какого-либо указа о конфискации имущества Тито отнял его у законного владельца. Я был ошарашен богатством мебели и картин, дороговизною украшений. На приеме было много функционеров, актеров, певцов и музыкантов².

Мы с Джиласом вспоминали наши встречи и беседы в Черногории в разгар восстания 13 июля, а потом в г. Власеница (в Боснии)

¹ Об этом в Югославии в 1991 г. опубликована моя исповедь «Мертвый свидетель».

² Как я потом узнал, одна наша партизанка сразу после приема, увидев такую роскошь и изобилие, воспитанная в духе партизанской скромности, придя домой, покончила жизнь самоубийством, считая подобный банкет и прием предательством нашей революции и морали.

после нашего поражения на реке Суске во время 5-го наступления. Джилас нам рассказывал о переговорах с немцами в г. Загребе, когда он был одним из представителей Верховного командования. У Джиласа была удивительная память, у него было образное мышление, как я понял, и он запоминал массу деталей. Но в поведении он оставался неизменным, держал руки в карманах, иногда почесывал спину. Он вспоминал, как в Косовом Луге наша партийная организация отказалась от директивы расстрела так называемой «пятой колонны», ведь за это нам грозили исключением из партии, но мы тогда отстояли свою позицию. Он вспомнил наш разговор в Боснии о еретиках и добавил: «В 1252 г. при Иннокентии IV пытки повсеместно рекомендовались для получения признания еретиков. Сеть инквизиции простиралась всюду, ни один человек не был гарантирован, были уязвимы даже епископы и кардиналы, не в меньшей степени, чем аристократы или купцы, которых под угрозой конфискации и штрафов вынуждали подкармливать инквизиторов. Вполне в духе психологии универсальной Истины, что тот, кто расходится со жрецом в самой мелочи, оказывается, как правило, опаснейшим еретиком и первым должен взойти на костер. Умеренный обновитель догмы опаснее для системы, чем враг, желающий опрокинуть всю прогнившую систему. Ян Гус был сожжен не как противник веры и даже не как смутьян, восставший против истины, а как несогласный христианин, моливший о праве на «отклонение» в относительных пустяках и в рамках папского порядка вещей. Гус противился практике передачи еретиков инквизицией светским властям для окончательного решения, чем та хотела снять с себя всякую ответственность за жестокое обращение с ними, в том числе за пытки и казнь. Из-за этого он сравнивал инквизиторов с книжниками и фарисеями, предавшими Христа Пилату. Сожжение еретиков не оспаривалось, но вставал вопрос: кто должен совершать сожжение? Августейший собор в Констанце буквально сотрясался от гнева и диких криков, когда рассматривалось замечание Гуса насчет сожжений. Поскольку Гус не хотел отступить от своего мнения, то в 1415 г. он был сожжен.

Ведь в сущности люди, которые ведут борьбу между собой, есть люди с одинаковыми радостями и печальями, ведь для всех — Бог, рождение и смерть, юность и старость, любовь и дружба, верность и предательство, здоровье и болезнь — имеют одинаковую ценность. И как хорошо уважать в противнике человека и даже любить его. Кто не испытал этого на самом себе? «Правда и справедливость по отношению к противнику — есть первая обязанность человека». И действительно, только тогда, когда люди будут следовать этим заповедям человечности и морали, когда благородные порывы в конце концов все-таки возьмут верх над низкими страстями, классовая борьба перестанет быть разрушительным фактором и сделается творцом культуры и цивилизации. Борьба закаляет характер, пробуждает воодушевление. Прекрасные слова старика Канта выражают ту же самую мысль: «Хвала природе за ее неуживчивость, за ее недоброжелательное соперничество и тщеславие, за ее ненасытную

жажду обладания и господства! Без этого все ее превосходные качества замерли бы в человечестве в зачаточном виде». Итак, может быть, новая заповедь гласит так: «Счастлив тот, кто еще может бороться».

В чем, наконец, значение М. Джиласа сегодня? Как я это вижу, его основное значение находится не в результатах его анализа проблем современной действительности, но в его героических попытках, которые не увенчались успехом. Именно на этих попытках надо сосредоточить внимание и продолжать поиск.

Некоторые авторы выводят современный тоталитаризм из диалектико-спекулятивного понятия Ничто. Вспомним в начале «Логики Гегеля»: Бытие — Ничто — Становление. Принцип деятельности провозглашается основным принципом истории, диалектика — это «алгебра революции». Волонтаризм состоит в том, что весь мир объявляется продуктом человека. Отбрасывание смерти, временности и судьбы ведет к ликвидации человека как индивидуальности. Снятие представляет (*Aufhebung*) одну из центральных категорий диалектики Гегеля, а также Маркса. Хитрость разума (*die List der Vernunft*) является метафизическим гарантом прогресса у Гегеля. К сожалению, он верит, что существует и хитрость безрассудка (*die List der Unvernunft*).

Период раннего христианства — это борьба добра и зла, жизни и смерти, столкновение двух миров. Христианин брошен зверям на растерзание или на ужасные мучения перед переполненными аудиториями. Это вершина двух мировоззрений и столкновение систем ценностей, театр страстной определенности, акт живых марионеток, которые свою собственную смерть разыгрывают по заранее написанному сценарию. Смерть гладиатора на сцене воспринимается не как подлинная смерть, ибо только свободный человек умирает. Гладиаторы имеют статус вещей, заранее обреченных. Мученик, осужденный на смерть на арене, ведет духовную битву со смертью. На арену он восходит с надеждой, что в общей гибели ему удастся остаться живым до следующей борьбы. Конечно, круг убийств прерывается полным торжеством смерти.

Людей утром бросают львам и медведям, в полдень — перед зрителями. Тех, которые убивали, бросают перед теми, кто будет убивать, победителей же берегут для третьего убийства: и конец всех бойцов — это смерть, ибо борьба ведется огнем и мечом. И все это продолжается до тех пор, пока арена не опустеет.

Христианин воспринимает смерть как путь к спасению. Он подготовлен на мучения, которые его ожидают. Какими бы ни были они страшными, они освобождают его от тягот земного существования. Одновременно проверяя искренность и прочность его веры. Палач вознаграждает его бесконечно ценным бытием — жизнью в Боге. И Иисус, спаситель, им поручает: «Я есмь воскресение и жизнь: кто верит мне, если и умрет, будет жить». Наконец, ему представляется возможность повторить подвиг Христа и в мучениях стать своему богу подобным. Палач — это жертва. Униженные и оскорбленные называются славными, славных же ждет вечное унижение. Мир явле-

ний — это мир небытия, подлинное бытие по ту сторону явлений, в Боге.

Философия, поэзия и история могут иметь несомненно общий исходный пункт: собирание и сохранение тех сил в человеке, которые сделают невозможным его разрушение, расчленение по частям. Это «собирание и сохранение» возможны только тогда, когда живет и умножается процесс, благодаря которому уменьшается пространство молчания о человеке. Ибо историю, к сожалению, или к счастью, не делают только личности, но и маски, не только истины, но и заблуждения, не только аутентичные дела, но и пародии аутентичности. История не имеет такого строгого назначения, формула ее развития включает много изменчивых начал, личную волю и цель.

Можно сбить с пути целое поколение, ослепить его, свести с ума, направить к ложной цели. В свое время Герцен остроумно заметил: «Все добродетели скромно соединены в палаче, притом в высшей степени: покорность власти, слепое исполнение и самоотвержение без пределов. Ему не нужно ни веры священника, ни одушевления воина. Он убивает хладнокровно, рассчитанно, безопасно, как закон, во имя общества, во имя порядка. Он вступает в соревнование с каждым «злодеем» и постоянно выходит победителем, потому что его рука опирается на все государство. Он не имеет гордости священника, честолюбия солдата, он не ждет награды ни от бога, ни от людей: ему нет ни славы, ни почета на земле, рай ему не обещан на небе, он жертвует всем: именем, честью, своим достоинством, он прячется от глаз людских и все это для торжественного наказания врагов общества. Тому, кто колесует, все равно, в какую сторону крутится колесо. Палача упрекнули, что он выполнял свою работу при всех режимах и позднее казнил тех, по чьим распоряжениям прежде казнил других. «Меня не касаются взгляды, я вижу только человека», — ответил он.

Абстрагируясь от отдельных случаев, можно считать точку зрения, которая исходит из того, что это есть и продолжение старой практики, когда различные этнические группы на заре развития человечества в своих неудачах и бедствиях винули злых духов, вселившихся в ту или иную личность или группу и даже вождя, которому не удалось склонить на свою сторону добрых духов. Так они находят «козла отпущения», который виноват во всем и на которого могут перенести свою ярость за неудачи, за свою собственную агрессивность, свое ощущение вины. Под тот же знаменатель можем подвести когда-то весьма распространенную охоту на ведьм, еретиков и т.п.

Первоначально религия, как известно, была связана с семьей, культивируя культ мертвых и культ святого огня. Первый великий развал семьи произошел в конце существования Римской империи. Достаточно вспомнить нестабильность брака, сокращение числа детей, рост численности неженатых, прелюбодеяние вместе с разнообразием сексуальных извращений, чтобы отметить удивительное сходство с нашим временем. Добавим к этому стремление к наслаждению и материальным благам и быстрое исчезновение чувст-

ва ответственности за эту ситуацию. Относительная неудача христианства преобразовать в течение двух тысячелетий человека по примеру Христа и его, вероятно самого, великого, апостола Павла сделала современных ученых-психологов и социологов скептическими по поводу преобразования человека изнутри. Промышленная революция, современная роботизированная и компьютеризированная цивилизация объединились в новом, до сих пор неизвестном подвиге — изменить человека, действуя на него извне. Физически уничтожить человека или большие группы людей не так просто и легко, как это кажется на первый взгляд, хотя бы для большинства людей. Намного легче уничтожить людей техническими и информационными средствами, а также бюрократическими методами. Достаточно одной подписи, применения какого-нибудь параграфа, одного росчерка пера, чтобы тысячи и миллионы людей отправились на смерть.

Подлинная противоположность между добром и злом, страхом и храбростью, трусостью и подвигом, смыслом и абсурдом становится все более актуальной проблемой современного общественного развития. Храбрость часто перебрасывается в прошлое, как будто для храброго человека достаточно, что он однажды был храбрым, отрицая ее значение в настоящем времени.

Н. Гартманн в своей «Этике» (Ethik, с. 394) утверждал положение о независимости храбрости от ценности целей, которым она служит. Ибо всегда можно быть храбрым: храбрым в справедливой и несправедливой борьбе, храбрым высказать истину, но и утверждать ложь, выстоять в своей борьбе до конца, выразить еретическую мысль, но и охарактеризовать ее как еретическую, любить или ненавидеть, быть храбрым, чтобы признаться в трусости. С этой точки зрения храбрым может быть преступник, разбойник, нахал; диктатор и убийца во время гнуснейших преступлений. Если рассматривать храбрость в определенных исторических рамках и системе координат, то нужно ее связывать с идеалом в зависимости от цели. Ибо, если мы не убеждены, тогда для достижения цели можем использовать нечто, только внешне похожее на храбрость. Так уже Кант пытался определить храбрость как силу и намерение сопротивляться сильному, но несправедливому противнику (Metafisik der Sittn, с. 218). Храбрость несомненно соприкасается с ценностными сферами силы, свободы, активности и способности терпения. Она не тождественна с бессознательной дерзостью, хамством, не является свойством малоопытного ребенка, который не видит опасности. Храбрость видит опасность, сознательно идет ей навстречу, она не слепа, как дерзость. Некоторые ученые отрицают храбрость как ценность, считая, что она, как правило, связана с примитивным менталитетом, а также с грубостью, физической силой. Другие утверждают, что именно материальная, жизненная или какая-нибудь иная угроза лишает храбрость ценности нравственности, ибо отсутствует момент выбора, а так якобы поступает большинство храбрых людей, которым нечего терять и не остается иного выхода. Оставаясь на этих позициях нацист-

ской этики, В.Шеринг в книге «Wehrphilosophie» (Leipzig, 1939) открыто оправдывает любую войну и особенно жестокую и бескрупулезную, будто в ней предоставляется возможность для проявления и развития подлинной храбрости. Только война создает львов, решительных мужей, настоящую военную дружбу.

Любая ценность, даже самая мудрая, должна в какой-то мере связываться с храбростью. Степень храбрости оказывается обратно пропорциональна мере устранения препятствий, конфликтов. О политике можно сказать, что в определенном смысле она основывается на хороших намерениях. Точнее, любая политика официально изображается как основанная на намерениях, которые в худшем случае хороши только с позиции основных моральных ценностей, принимаемых носителями этой политической деятельности. Но и самые лучшие субъективные пожелания политиков в бесконечном переплетении компонентов этой драматической истории человеческой дают результат, который никто не предвидел и не желал. Конечно, всегда в интересах носителей определенной политики изображать свою шкалу ценностей как общечеловеческую, «лучшую возможность» для развития личности, которой нет альтернатив.

Любая революционная организация с приходом к власти становится мишенью для карьеристов. Это в свою очередь связано с привилегиями, представляющими величайшее моральное испытание для любого общественного движения. Связь идеала с прогрессивными потребностями и интересами является гарантией действительно осмысленной жизни. Связь с идеалом придает категориям смысла жизни и счастья нормативно-оценочный характер. Идеал выполняет для личности функцию нравственной нормы. Идеал, как и цель, существуют в пределах возможного и достижимого. Если бы идеал был бесконечно далеким и недостижимым, то жизнь и стремления превратились бы в бессмысленную игру, цель перестала бы быть целью, а личность потеряла бы надежды на лучшее. Поэтому сознание достижимого идеала дает импульс к деятельности. Жизнь обретает такую ценность в результате осознания высшего идеала, имеющего общественное значение.